слово мифопоэтическое. Мифопоэтическое слово является выражением единства и полноты мира. И потому-то всякое художественное произведение принципиально содержит в себе все и раскрывается как актуальная бесконечность.

Совершенно ясно, что эпос, драма, лирика — это лишь разные стороны или разные состояния мира, выраженного в слове, или, что то же, разные стороны мифа. А следовательно, в общей эстетике Хлебникова нужно говорить не о раздельном эпическом, драматическом или лирическом слове и не о их смешении, а о разных сторонах, разных состояниях единого Слова. Если поэт берет мир со стороны единства и цельности, мы получаем его выражение в формах эпоса или лирики. В первом случае это будет внеличное единство, во втором — личное единство. Если же поэт берет мир не со стороны единства и цельности, а со стороны его множественности, раздельности, мы получаем драматические формы. С одной стороны, это будет лично становящаяся раздельная множественность, с другой — внелично становящаяся раздельная множественность [2].

Но все эти стороны или состояния мира существуют сразу все вместе, в нерушимом единстве. Каждый данный момент, выдвинутый на первый план, подразумевает и все остальные моменты.

Эстетика абсолютного слова неизбежно порождала относительность категории жанра. Никаких строгих дефиниций, незыблемо определяющих тот или иной жанр, в произведениях Хлебникова провести невозможно, наоборот, жанры свободно переходят путем непрерывного изменения один в другой во всех мыслимых сочетаниях. Так, что любое произведение принципиально представляет собой какой-то обратимый, или амбивалентный, жанр, который в зависимости от тех или иных условий оказывается и лирикой, и драмой, и эпосом.

С теоретической точки зрения все это нисколько не удивительно. Такова и должна быть всякая мифопоэтическая эстетика и, в частности, теория жанров. Еще Новалис, как поэт и, в особенности, как мыслитель, чрезвычайно близкий Хлебникову, писал: «Не являются ли эпос, лирика и драма только тремя различными элементами, которые присутствуют в каждом произведении,— и не там ли мы имеем собственно эпос, где всего лишь преобладает эпос, и так далее?» [3]. Однако с точки зрения реального художественного конструирования вряд ли мы найдем еще у кого-нибудь с такой последовательностью и с такой пластикой осуществленный принцип жанровой амбивалентности. Здесь специфическая черта хлебниковской поэтики, в которой обратимые, амбивалентные жанровые формы можно считать преобладающими и даже типовыми.

Тем не менее все это отнюдь не снимает вопроса, почему же все-таки поэзия Хлебникова была воспринята именно как эпическая.

Попробуем подойти к этой проблеме с другой стороны. Возьмем для сравнения двух ближайших и значительнейших литературных современников, которых вместе с Хлебниковым можно рассматривать как своего рода эстетическую систему. Возьмем Блока и Маяковского.

Какова, прежде всего, основа для такого сравнения?

Когда мы читаем у Блока: «Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению в данное время, и уверен, что все они вместе создают единый музыкальный напор» [4], то мы находим замечательное и совершенно точное определение не только блоковского, но вообще всякого мифопоэтического сознания, абсолютно законченное понимание мифа как концепции полноты и единства мира. Эту формулу (если понимать «музыку» в качестве всеобщего принципа единства) можно полностью отнести и к Хлебникову и к Маяковско-

---

[2] Ср. *Лосев А. Ф.* Диалектика художественной формы. М., 1927, с. 102, 103.
[3] Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934, с. 130.
[4] *Блок А.* Собр. соч. в 8 томах. М.— Л., т. III, 1960, с. 297. Разрядка моя.— *Р. Д.*